

Илья Долгополов

ЗЕРКАЛА

Илья Долгополов

18+

Илья Долгополов

Зеркала

«Автор»

2026

Долгополов И. М.

Зеркала / И. М. Долгополов — «Автор», 2026

«Зеркала» — психологическая проза о человеке, который давно перестал задавать себе вопросы. Борисову за сорок, у него серая работа в департаменте, обесцвеченный брак, долги, привычка врать жене и самому себе. Он не любит — его терпят. Он не живёт — существует. Смерть школьного друга становится точкой невозврата: впервые за много лет Борисов видит не быт, а себя. И это зрелище оказывается невыносимым. Роман исследует природу самообмана, трусости, мужского одиночества и той тихой катастрофы, которая называется «нормальная жизнь».

© Долгополов И. М., 2026

© Автор, 2026

Илья Долгополов Зеркала

1

Поднеся магнитный ключ к домофону, Борисов услышал до омерзения знакомую мелодию. Подъезд дыхнул в лицо смесью кошачьей мочи, мусоропроводной вони и запаха свеженапечатанных газет, брошенных на пол ленивым почтальоном.

На стене, как и двадцать лет назад, его встречала надпись: «Светка – блядь».

– Михалыч, – подумал Борисов, услышав характерный кашель с третьего этажа.

Оплавленная кнопка лифта загорелась тусклым жёлтым светом. Лифт медленно потащил его вверх, туда, где уже давно ничего не ждало.

Тамбур, соединяющий две квартиры, переполненная пепельница. Он толкнул незапертую дверь и ввалился внутрь. Родители Светки, не вынеся жизни вшестером, давно переселились на дачу, оставив молодым «временное жильё».

Скинув стоптанные ботинки, повесив пальто на крючок, Борисов окликнул жену и прошёл в зал.

Раскладной диван, который никогда не складывался, шифоньер с бельём, предательски выглядывающим из щелей, и огромный телевизор, кое-как прикрученный к стене.

Светка вышла навстречу в выцветшем, но чистом синем халате. Сквозь щель между пуговиц выглядывали пуританские трусы и уставший, сморщенный от жизни, живот. Борисов невольно передёрнулся.

– Чего орёшь? – бросила Светка, закидывая через плечо кухонное полотенце.

– Не ору. Спрашиваю, почему не встречаешь? – лениво поддевая тапок большим пальцем ноги, ответил он.

– Делать мне больше нечего – тебя встречать. Пожрать приготовить, бельё постирай, за котом убери, собаку выгулай, уроки проверь... А между прочим, у меня – восьмичасовой рабочий день. Зарплату получил?

– Завтра обещали.

– Тогда и ужин завтра, – сказала она и пошла прочь, стянув полотенце с плеча.

– Опять курица?

– Омаров не подвезли, извините. Как потопал – так и полопал. Курица ему, видите-ли, не нравится.

– Мне всё нравится. Но можно хоть изредка разбавить её тушёнкой... или котлетами.

– Конечно можно. Вон там кошелёк – бери и разбавляй.

– Чего ты огрызаешься? Моя задача – зарабатывать, твоя – грамотно тратить.

– И много ты заработал, чтобы я грамотно тратила?

– Достаточно. На котлеты должно хватить.

Светка молча поставила перед ним тарелку с макаронами, сверху бухнула кусок жареной курицы и, не глядя, добавила:

– Хлеб на прежнем месте.

Борисов лениво подцепил вилкой одну макаронину и закинул в рот.

– Васютин звонил, – жуя, сказал он.

– Чего хотел? Опять нахаляву нажраться?

– Встречу выпускников мутят. Спрашивал, пойдём мы или нет.

Светка вернулась на кухню:

– И когда?

– В июне вроде.

– Скажи ему, что обязательно пойдём. А кто будет?

– Не знаю. Обещал группу создать – добавят, там и увидим.

– Половина уехала, половина спилась, – Светка бросила взгляд на телефон, который пикнул на столе. Сообщение не прочитала, перевернула экраном вниз.

– Он говорит, вся параллель будет. Человек пятьдесят точно соберётся.

– Тогда да, может, и больше.

Дожевав ужин, Борисов бросил тарелку в раковину, залил горячей водой из-под крана, вытер руки о трико и пошаркал в зал.

– Ааааа! – вдруг раздалось из ванной.

– Ты чего там?! – Борисов, испугавшись дикого крика, потеряв тапок, рванул в ванную.

– Арсентьев умер..., – протягивая свой телефон, ответила Светка.

– Как? Когда?

– Нинка написала... я только что прочитала.

– Дай сюда, – он выхватил у неё телефон. Сообщение было коротким: *«Вася умер»*.

Судорожно набрал номер Нины. Дышал тяжело, как после кросса.

– Алло, – слышалось на том конце.

– Нин, это я, Борисов. Что случилось?

– Вася умер...

– Как? Когда?

– Не знаю точно. Сказали, что ему на обеде плохо стало. Упал. Пытались реанимировать, но до скорой не дожил...

– Где он сейчас?

– В морг увезли. Завтра поедем. Я сейчас не могу говорить. Пусть Светка завтра позвонит. Всё расскажу.

– Хорошо. Если что – звони. Поможем, чем сможем. – Он сбросил звонок.

– Ну что? – тихо спросила Светка, охваченная дрожью.

– Умер. Прямо на работе. Пошёл обедать – и всё.

– Ужас... Господи... как же она теперь? Ребёнок маленький... Ни работы, ни мужа... – У Светки в лице что-то опустилось, и в глазах проступил ужас.

2

– За цветами надо заехать, – крикнул Борисов, забираясь в машину.

– У школы ларёк цветочный открылся. Там и остановимся, – Светка поправила чёрный платок и устроилась на пассажирском сиденье их старенькой «Шкоды».

У ларька Борисов задумчиво уставился на пёстрое изобилие и тихо спросил:

– Гвоздики есть? Красные?

– Есть. Двести рублей штука, – ответила продавщица, устало, но вежливо.

– А не дороговато?

– Февраль. Сейчас все цены такие. Сколько вам?

Борисов про себя пересчитал деньги в кармане, прикинул, на сколько цветков ему хватит, и подумал, что Арсентьеву уже, в сущности, всё равно сколько перед ним положат, а ему самому на обед надо что-то оставить.

– Четыре, – выдал он наконец.

– Возьмёте шесть – чёрную ленточку в подарок, – продавщица смекнула, что перед ней не самый щедрый клиент, и попыталась включить маркетинг.

– Не надо ленты, – отрезал Борисов и, отсчитав восемь сотен, положил их перед продавцом.

В траурном зале собрались самые близкие Арсентьева. Из всех Борисов знал лишь Нинку, Васютина и еще пару давних друзей.

Васютин, завидев вошедших, тут же подлетел с поминальными платками и свечками:

– Привет... Вот ведь как бывает, – затараторил он, – только в выходные виделись, и вот... умер. А ты чего – четыре гвоздики? Друг ведь.

– Похорон, сказали, сегодня много. Последние забрал. Одна ещё оставалась, но надо же чётное, – ответил Борисов, не моргнув.

– А я у нашей школы взял, там ларёк открылся, гвоздик море и никого нет. Разве ты не знал?

– Ты чего пристал? – осекла его Светка. – Иди, платки раздавай.

Картина, можно сказать, грустная.

Арсентьев лежал в гробу, словно улыбаясь, лицом к своей фотографии.

Борисов на мгновение представил, что в этом гробу мог быть он сам. В свои-то сорок с копейками... Его передёрнуло.

Он подошёл, положил цветы, задержался взглядом на лице усопшего. Потом, положив ладонь на край гроба, тихо подумал:

«Я не знаю, что говорят в таких случаях. Не часто на такие мероприятия хожу... Ну ты это... давай там.

Чёрт, что я несу?

Прости, если что не так».

– Ты видел? Он как живой... улыбается, – тихо прошептала Светка.

– Видел, – сухо ответил Борисов. – Скорее, посмеивается над нами.

– Ты чего такое говоришь?

– А что? Взял и кинул всех! Жену с младенцем, друзей, работу. Ему уже всё равно, а нам расхлёбывай.

– И что ты там собрался расхлёбывать?

– Ну не я. Нинка, коллеги по работе...

– Не твоё это дело, – Светка вытерла слёзы. – Пойду, Нинку обниму.

– Иди. Ей как раз до тебя сейчас.

Сзади подкрался Васютин, как лис в курятник:

– Инфаркт.

– Тьфу ты, чёрт, напугал, – вздрогнул Борисов. – У меня самого чуть инфаркт не случился.

– Говорят, давно ходил с этой болячкой. Если бы вовремя обратился – жил бы долго и счастливо.

– Не обратился... Ты сам-то часто по врачам ходишь, а, Васютин?

– Регулярно. Каждый год – чек-ап.

– Харэ заливать.

– Серьёзно. Анализы там всякие сдаю.

– И что, помогает?

– Не знаю. Сдаю и всё, – Васютин огляделся по сторонам. – Всё, батюшка пришёл. Сейчас отпевание начнётся, потом на кладбище. Вы поедете?

– Нет, не люблю поминальную еду. У людей и так горе, а их кормят какими-то, прости, помоями, да и в департаменте ждут. Совещание перенесли.

– Ладно. Я пойду, вдруг кому помощь нужна. Бывай, Борисов.

Кстати, что насчёт встречи выпускников? Вас ждать?

– Жди.

– Отлично. По пятёрке с носа скидываемся. В ресторане будем отмечать.

– А чего не в Москве сразу? Накрыли бы в школе, как тогда, в сам выпускной.

– Завидов предложил. Всё-таки – тридцать лет. Не хухры-мухры, дата солидная.

– Ладно, в группу нас добавь, – Борисов протянул руку.

3

– Где твой отчёт, Митя?! – нервно выкрикнул Трутнев. – Я неделю жду! Что мне министру докладывать?

– Я на похоронах был. Арсентьев умер.

– Опять!?

– Что значит «опять»? – опешил Борисов. – С ним это впервые.

– Всё остришь!? Я не про него конкретно. А про то, что помирать стали слишком часто, – отмахнулся Трутнев. – Кстати, что с ним случилось?

– Инфаркт, сказали. Прямо на работе. Так что и Вам не советую так нервничать – а то, не дай Бог, потеряем такое светило.

– Типун тебе на язык. К вечеру жду отчёт.

Борисов любил Трутнева за то, что тот снаружи был злой, а внутри... ранимый, добрый, отзывчивый человек, затюканный женой и кучей начальства. Именно Трутнев когда-то открыл ему двери в департамент благоустройства. Хотя Борисов так и не понял, что в этом было грандиозного, но Трутнев напоминал об этом при каждом удобном случае. Как, впрочем, и сегодня.

– Ты, видимо, совсем забыл, кто тебя в люди вытащил? Кто тебя с рынка сюда затащил, а?! – не унимался Трутнев. – Сидел бы сейчас, жопу морозил и бабьими трусами торговал.

Борисов не стал вступать в дискуссию. Он представил, как сидит на рынке, трясёт на ветру трусами, похожими на те, что носит его жена, – и ему стало смешно.

– Чего лыбишься?! – рявкнул Трутнев. – Иди работай уже!

Работа у Борисова была не пыльная: раз в месяц – отчёт о деятельности департамента, пару раз – выезд «в народ», поработать с жалобами граждан. Платили за это тоже не ахти. Не сказать, чтобы место было хлебным. Но менять его на что-то более серьёзное он не стремился. То тут, то там заводились громкие дела, выносились приговоры – в основном тем, кто занимал посты пожирнее.

Нет, не то, чтобы он не хотел быстро разбогатеть. Просто был уверен: риск в этих делах не оправдан. По крайней мере, именно так он объяснял это всем, кто пытался разговорить его о работе. На самом деле Борисов прекрасно понимал: всё это лишь отговорки. Он банально боялся. Боялся тюрьмы – да. Но ещё больше боялся ответственности, которая прилагалась к по-настоящему хлебным местам.

А здесь – спокойно. Знакомо. И ничего особенно не меняется, разве что вывеска на двери: был комитет – стал департамент.

Приближался обеденный перерыв, и Борисов по привычке заглянул в соседний кабинет, где восседала давно приглянувшаяся ему пассия по имени Марина. Она была чуть младше его, с хорошей, как казалось Борисову, фигурой, пышной грудью и коровьими ресницами. Дама глубоко замужняя, но на слепые ухаживания коллеги реагировала спокойно – и даже, как ему казалось, с взаимностью. Борисов неоднократно представлял их интимный союз, но сделать первый шаг не решался, поэтому все его эротические фантазии ограничивались редким сексом со Светкой – когда он мог представить на её месте Марину.

– На обед пойдёшь? – крикнул он в приоткрытую дверь.

– Да, секунду, кошелёк из сумки возьму. Беги пока, займи очередь.

Столовая департамента уже была переполнена сотрудниками, топчущимися возле вывешенного меню. Стройная очередь гуськом тянулась к кассе, все держали в руках подносы. Для

Борисова, да и, наверное, для многих здесь обед был чуть ли не лучшим моментом посреди серых будней. Вдобавок, он вдоволь мог насладиться глубоким вырезом декольте своей вожделенной подружки, которая не стеснялась делать его всё глубже и глубже. Иногда она надевала прозрачный бюстгальтер, сквозь который Борисов разглядывал её огромные коричневые соски.

– Где пропал с утра? – поинтересовалась Марина.

– Друг умер, на похороны ходил.

– Боже, какой ужас!

– Ничего ужасного, обычная история, – ответил Борисов, не отрывая глаз от узоров на её бюстгальтере.

– Молодой?

– Да, пятьдесят три.

– Да уж, пожил бы ещё, – забыв про флирт и немного задумавшись, сказала Марина.

– Вот так же – пошёл с коллегами на обед и умер. Прямо в столовой.

– Да ладно! Хватит врать.

– Я на полном серьёзе. В понедельник, на соседней улице. Сам в шоке. Сижу и представляю, как у меня останавливается сердце, и я падаю лицом в эту тарелку шей.

– Перестань.

– Тебе будет жалко меня?

– Конечно, жалко.

– И ты будешь плакать?

– Да, – она посмотрела на Борисова, и он заметил, что её глаза слегка блеснули, будто она и вправду готова была разрыдаться.

– Я... – Борисов сделал паузу, будто хотел сказать одно, но передумал, – а вот моя жена, скорее всего, не проронит и слезинки.

– Да брось, она у тебя хорошая, – слегка вытирая уголок глаза, ответила Марина.

– Не такая, как ты.

– А какая я? Тебе откуда знать?

– Чувствую, – ответил Борисов.

– Ешь давай, остынет.

Самое лучшее время посреди рабочего дня закончилось перекуром у входа в департамент и перешло в самое нудное и невыносимо долгое: послеобеденное. Обычно оно тянулось так долго и так скучно, но всегда, особенно по пятницам, когда все уже собирались на законный отдых, появлялся Трутнев и объявлял о каком-нибудь ЧП, которое, непременно, нужно было решить до конца дня и ни в коем случае не переносить на понедельник.

Но, на радость Борисова, сегодня ЧП не произошло и он с чистой совестью, положив доделанный отчёт на стол Трутнева, накинул пальто и вышел на стоянку. Очистив машину от снега и хорошенько прогрел двигатель, он докурил сигарету и уже собирался садиться за руль, как его окликнул знакомый голос:

– Подбросишь до остановки?

Борисов обернулся. Марина стояла прямо за его спиной.

– Конечно, садись, – он немного оторопел, но, взяв себя в руки, обошёл машину и открыл пассажирскую дверь.

Марина устроилась на переднем сиденье, захлопнула дверь и сказала:

– Муж сегодня новую должность получил. Теперь часто будет допоздна работать – некому встречать.

– Я могу тебя подвозить. Нам всё равно по пути.

– Я знала, что ты не откажешь. Поехали, а то мне ещё в магазин надо заскочить.

Борисов пристегнул ремень, включил передачу и тронулся с места. До остановки ехали молча.

– Где твой магазин? – спросил он.

– Да не надо, Митя. Я добегу сама. Да и пройтись хотелось, весь день сидим и сидим.

Борисов остановил машину у остановки – и сам того не ожидая, выпалил:

– Можно я тебя поцелую?

Марина даже не удивилась. Будто ждала этого вопроса. Молча закрыла глаза и нежно поцеловала Борисова в губы, слегка прикусив нижнюю.

– Можно. До завтра. И смотри – не помирай там.

Марина выскочила на остановку и хлопнула дверью, не оставив Борисову возможности что-либо сказать.

Валяясь на диване перед телевизором, Борисов не переставал думать о том, что случилось в машине.

«Что это?» – спрашивал он сам себя.

«Любовь? Да ну, какая любовь. Маринка никогда не разведётся со своим мужем. Он хорошо зарабатывает, любит её, балует. Что я могу ей дать? Ничего. Кроме... А кроме – чего я могу ей что-то дать? У меня ничего нет. Ни квартиры, ни нормальной зарплаты. Машина – в кредит, да ещё и алименты придётся платить на своих детей. Нет, это не любовь.

Но если подумать... из этого может получиться неплохой роман. Вечера у Маринки теперь свободные. Моя – никогда не спрашивает, если я задерживаюсь на работе. Секс в машине, как в студенческие годы... вполне себе вариант».

Борисов встал с промятого до основания дивана и направился в душ, чтобы завершить вечер приятными воспоминаниями о своей пассии.

По своей натуре Борисов был похож на добрую половину мужского населения. Он считал, что жена соседа и слаще, и вкуснее. При этом не понимал одного: он не знал, какая она в жизни. Какие у неё потребности, какие запросы. Возможно, она требовательнее, ревнивее, раздражительнее, чем та, к которой он привык за десятилетия.

Но когда это кого-то останавливало в мыслях?

Она – идеальна для него. В данный момент. И идеальна пока что в одном – в его эротических фантазиях, без привязки к жизненным обстоятельствам.

Борисов, как и большинство существующих мужей, давно перестал любить свою избранницу. И вообще, любил ли когда-нибудь? Большой вопрос. Он женился только потому, что на этом настояла Светка. А когда окончательно понял, что не любит её, их второй ребёнок пошёл в восьмой класс.

Они давно не разговаривали по душам, да и вообще, почти не разговаривали.

Гости, где им приходилось играть роль счастливых супругов. В эти моменты он особенно старался не ударить в грязь лицом, всячески оказывал знаки внимания: пододвигал стул, наливал вино, клал еду на тарелку. Светка отвечала взаимностью: хихикала, подзадоривала, щипала за бедро под столом – будто влюблённая студентка.

Но стоило им выйти за дверь – всё испарялось.

Оставалась только холодность.

И пренебрежение, видимое, почти театральное.

Задавая себе вопрос, зачем он так старается на публике показать то, как он любит свою жену, ответа у него не было. И самое интересное, зачем она делает тоже самое?

Развод его не устраивал по одной простой причине: для него это была бы фатальная ошибка.

Кто будет ему готовить, хоть и невкусную, но съедобную курицу?

Кто будет стирать?

И самое главное, на что и где он будет жить?

С этим он жил много лет.

Зачем что-то менять, если там будет ещё хуже, чем здесь?

4.

Впервые, за долгие годы, Борисов мчал на работу, как на праздник – воодушевлённый встречей с Мариной, слегка напряжённый и возбуждённый.

Ворвавшись в кабинет, он быстро переобулся в сменную обувь и вышел в коридор, ведущий к кабинету Марины.

Она плавно выплыла из-за угла, на ходу стягивая с шеи разноцветный шёлковый платок и, врезавшись взглядом в Борисова, слегка покраснела:

– Привет.

– И тебе привет, – ответил Борисов. – Как дела?

– Пока не родила, – ответила Марина, рыская рукой по сумке в поисках ключа от кабинета.

– Ладно, увидимся, – не зная, что ещё сказать, решил закончить разговор Борисов.

– А ты чего приходил-то? Соскучился? Или вчерашний поцелуй тебя сюда за уши притащил?

– Я просто мимо шёл, – совсем растерялся Борисов и, развернувшись на сто восемьдесят, пошагал прочь.

До обеда время тянулось так, словно это было послеобеденное. Борисов представлял, что именно сегодня Маринка наденет тот самый прозрачный бюстгальтер – чтобы угодить ему.

– Эй, директор! – послышалось сбоку. – Чего задумался? Отчёт готов?

Борисов обернулся. В дверном проёме, почти полностью его занимая, стоял Трутнев. Вид у него был слегка растерянный: лицо красное, волосы растрёпаны. Он достал расчёску из внутреннего кармана и аккуратно, пригладив ладонью, зачесал их назад к затылку, прикрывая

давно наметившуюся лысину. По шлейфу, исходящему от Трутнева, Борисов догадался, что тот с хорошего бодуна.

– Да, готов, – бодро ответил Борисов. – На столе вчера оставил.

– Отлично, зайди ко мне, обсудим. А то сегодня к министру идти на доклад.

Борисов взял копию отчёта и проследовал за руководителем.

– Вот смотри, Митенька, – начал Трутнев, – если будешь упорно трудиться, вскоре можешь занять моё кресло. А это откроет тебе двери в кабинеты министров и руководителей департаментов.

– И что даст мне это открытие? – озадачил вопросом Борисов.

– Ну как – что? Знакомства.

– Я вот смотрю на вас, Николай Степанович, и вижу, что ничего кроме огромного гемора и серьёзных неприятностей, эти знакомства Вам не приносят.

Трутнев на секунду задумался, но спорить не стал:

– Внучку в садик без очереди взяли. Иди сейчас, без связей, попробуй устрой!

– Когда у меня будет внучка, я Вам позвоню и Вы с министром договоритесь. Для этого мне не обязательно с ним знакомиться. Да и всю ответственность за устройство моей будущей внучки я перекину на Вас. Ведь именно Вы станете обязаны министру за мою внучку, а мне Вы это сделаете совершенно бескорыстно. Такой Вы человек.

– Так, хватит. Где отчёт? – оборвал Трутнев бесконечный монолог подчинённого.

Отчёт, на удивление, Трутневу понравился и он не стал отчитывать Борисова, а лишь негромко пробормотал:

– Такая светлая голова, а сидишь в своём кабинетике и протираешь последние портки.

– Портки, к слову сказать, не последние, – захлопнув папку с отчётом, Борисов встал, – да и кабинетик у меня побольше Вашего.

Он вышел в коридор.

– Эх, дурак, жалко тебя, – бросил вслед Трутнев.

– Сам дурак, – тихо, почти про себя, ответил Борисов, чтобы тот не услышал.

Наконец-то наступил обеденный перерыв. Каждый, кто хоть день проработал в бюджетном учреждении, знает: обед – это время, отведённое законом, когда никто и ни при каких обстоятельствах не должен работать. Это как отпуск. Даже если гром среди ясного неба грянет – ни один бюджетник не соизволит поднять свою задницу с места. Никто не возьмёт трубку разрывающегося от назойливых жителей телефона. Никто не удосужится принять умирающую старушку, приехавшую на последние деньги из далёкого села.

Обед – святое. И никто не может его прервать.

– На обед пойдёшь?

– Да, бегу, – послышалось из-за двери, – занимай очередь.

Борисов влетел в столовую, где уже собралась огромная толпа, схватил два подноса, два набора столовых приборов – и встал в очередь за тучным мужичком из соседнего отдела.

– Ну что, Отелло, как спалось? – спросила Марина, подойдя сзади. В её голосе чувствовался сарказм – но Борисову это понравилось.

– Отлично спалось. Сны эротические снились. Всю ночь.

– Ух ты, а мне вот так не повезло.

– Это ничего. Всё можно исправить.

– И как?

– Вечером покажу. Если только муж за тобой не приедет.

– Не приедет, – она аккуратно отломилла краешек от кусочка хлеба и медленно положила его в рот.

– Мне понравился вчерашний поцелуй, – робко сказал Борисов.

- Разве это поцелуй?
- А что, ты можешь лучше? – на лице Борисова выступил багряный румянец.
- Вечером покажу, – засмеялась Марина. Её глаза заблестели ярче и Борисов впервые поймал себя на мысли, что смотрит ей в глаза, а не в разрез декольте.

Хотя, опомнившись, он всё же перевёл взгляд вниз и обомлел снова. Её коричневый сосок предательски вылез из-под лифчика, будто манил его к себе.

Марина, заметив, чем Борисов так страстно увлечён, опустила глаза и, обнаружив погрешность в своём внешнем виде, быстро поправила бюстгальтер свободной рукой:

- А ты, смотрю, времени зря не теряешь.
- Прости, – оправдался Борисов и его лицо стало ещё краснее.
- Да не смущайся ты так. Чего там такого ты не видел?
- Ничего не видел.
- У всех всё одинаково, – ответила Марина. – Просто вы, мужики, придаёте этому слишком большое значение.
- Ну не скажи. У всех всё разное.
- Митенька, уверяю тебя: через полгода всё приедается и становится одинаковым. Не забивай себе голову.
- А я и не забиваю. Вот ты – зачем специально выставляешь напоказ то, что явно больше, чем у многих наших коллег? Даёшь им понять, что у тебя – не одинаково?
- Я делаю это для того, чтобы хоть как-то заставить других мужчин обратить на себя внимание. Мне приятно собирать их взгляды. И твой, кстати, тоже. Потому что у моего мужа это уже не вызывает никакого удовольствия. Для него там уже давно всё одинаково.

Как и для твоей жены то, что ты считаешь своим достоинством. А я лишь хочу, чтобы всё моё никогда и ни для кого не было одинаковым.

- Глубоко, – задумался Борисов. – Но так не бывает.
  - Бывает. В книжках, – снова засмеялась Марина.
  - Ну да, или в кино, – поддакнул Борисов, доедая свой обед.
- Послеобеденная тяготи́на тянулась ещё дольше, чем когда-либо. Борисов, в предвкушении обещанного поцелуя, да ещё и того, что должен случиться именно сегодня, не мог найти себе места. Он несколько раз сбегал на перекур, пару раз забегал в туалет, посмотреть на свои сегодняшние трусы:

«А вдруг случится? А у меня там беда...».

И вот он, вечер.

Борисов, сломя голову, мчится прогревать свою «Шкоду», сметает с неё снег, нервно курит в ожидании Марины.

Та не заставила себя долго ждать. Обошла машину и замерла в ожидании, что ей откроют дверь.

Борисов был галантен. Осторожно открыл дверь и, как голубь, воркуя и кружа вокруг своей голубки, обходительно усадил даму в своё авто.

- Куда едем? – спросила Марина.
  - Целоваться. Куда же ещё, – утвердительно ответил Борисов.
  - Ну целоваться, так целоваться, – поддакнула Марина. – У остановки гаражи. Давай там припаркуемся.
- Борисов опешил от её смелости, но перечить не стал, лишь сказал:
- Показывай дорогу.

Припарковавшись у гаражей, ближе к заснеженному кустарнику, Борисов достал сигарету, приоткрыл окошко и закурил.

– Ты с сигаретой будешь целоваться?

– Нет, выкину, – Борисов заёрзал на месте.

– Подвинься поближе.

Она протянула руку к его шее, обвила её и подтянула к себе. Другой рукой взяла его ладонь и положила на свою грудь.

Борисов, не ожидавший такого поворота, просунул руку между пуговиц её пальто и, нащупав тот самый разрез, сводивший его с ума последние пару лет, ощутил тёплое, пульсирующее тело Марины.

Марина вцепилась в него губами. Её дыхание участилось.

Борисов хотел спуститься ниже к заветному месту, но она остановила его:

– Не сегодня. Эти дни.

– Хорошо, – ответил Борисов – и продолжил изучать её грудь и окрестности.

Марина просунула руку к нему в брюки и, нащупав то, что давно её ждало, немного приоткрыла глаза – и молча удивилась размеру.

Борисов, почувствовав, что дама очарована его достоинством, начал стараться сильнее.

В какой-то момент его потрянуло и охватило мелкой, прерывистой дрожью.

Марина вытащила руку из его брюк, а другой рукой стала искать салфетки в сумке:

– Ну ты и гигант, – С улыбкой сказала она.

Борисов откинулся на спинку, закурил сигарету и в его голове пробежала только одна мысль:

«И что теперь будет?» он выдохнул клуб дыма в морозное, тёмное небо, сквозь приоткрытое окно своей «Шкоды».

– Ничего, – будто прочитав его мысли, ответила Марина. – Потрахались и забыли.

– Во-первых, мы не трахались. А во-вторых, такое не скоро забудешь. Жаль, что тебе не было так же хорошо, как мне.

– Ничего. «Красная армия» пройдёт, и мы повторим, если ты не против.

– Я? Конечно, не против. Я бы и сейчас повторил.

– Ну нет, я и так вся в твоих «детях», – громко засмеялась Марина и её смех немедля заразил Борисова.

Он довез её до дома и пожелав хорошего вечера, поторопился восвояси.

Скинув стоптанные ботинки, повесив пальто на крючок, Борисов крикнул жену и прошёл в зал.

– Пап, – послышался голос старшего сына.

– А где привет?

– Привет, – немного подумав, поздоровался сын. – Дай денег, меня пригласили на день рождения к однокласснице. Хочу купить подарок.

– И что ты собрался ей подарить?

– Не знаю. Может умные часы?

– Это что такое?

– Часы. С телефоном их коннектишь – и всё.

– Часы ей мама с папой подарят. Богатей тоже нашёлся. Подаришь книгу – самый лучший подарок на свете.

– Пап, какая книга? Это стрёмно. Никто не читает книги, их скачивают в интернете.

– Вот, вся проблема современного человека. Книжки скачиваем, еду заказываем, скоро баб скачаем виртуальных и будем их щупать. Куда всё пропало? Нет бы пройтись по магази-

нам, как раньше, вместе, на рынок заскочить, со старухами поспорить, взять вечерком томик Достоевского и, слегка пригубив, упоиться им досыта. Нет, нам это стало не нужно.

– Пап.

– Что?

– Что, что... Дай денег. Я сам решу, что ей подарить.

– Сколько?

– Тысяч пять.

– Ты в своём уме? Пять тысяч на подарок однокласснице?! На, держи – тысяча. Смотри, сдачу не забудь вернуть.

Борисов просунул купюру в руки сына и скрылся в ванной оттирать следы сегодняшней измены. Он обнюхал себя, опасаясь, что духи его новоиспечённой любовницы могут выдать его вечернее приключение, и для пушей верности облил себя дешёвым одеколоном. А для оправдания взял бритвенный станок и на сухую пару раз провёл им по щекам, оставляя мелкие царапины.

– Надо новые лезвия купить, – выходя из ванной, громко произнёс он в сторону кухни, где возилась Светка. – А то эти совсем старые. Утром побрился – весь день чесался. Вот, смотри.

Он подошёл к жене и важно вытянул шею.

– Ага, – не обращая на него внимания, ответила Светка.

Он снова всмотрелся в разрез между пуговицами – и обнаружил там те же пуританские трусы.

– Чего ты там разглядываешь? – поинтересовалась Светка.

– Ничего.

– Садись, котлеты тебе пожарила, как просил.

– И на собачью жопу светит Солнце, – с довольной улыбкой Борисов сел за стол.

– Наслаждайся, Ваше величество, – съязвила Светка и поставила тарелку перед Борисовым. – А чего от тебя так одеколоном прёт?

Борисов напрягся, но из роли постарался не выпасть:

– Говорю же – с утра побрился, весь поцарапался, пол дня ходил, расчесал до крови. Пришёл домой, обработал спиртиком, чтобы заживало. Ты что, не слушаешь, что я тебе говорю?

– Слушаю.

– Значит, плохо слушаешь. Я даже лицо тебе показал, а ты поддакнула, – Борисов почувствовал преимущество в схватке и решил перевести тему с одеколона на невнимательность Светки, сделав её виноватой во всех их проблемах: – Жена называется... Умирать буду – воды не подашь.

– Давай, не перегибай. Занята была – котлеты тебе жарила. Подумаешь, поцарапался. Не первый и не последний раз, – оправдалась Светка и села напротив Борисова, подперев лицо руками: – Что на работе? Зарплату выдали?

– Зарплата на карточке, можешь взять. Оставь только на бензин, сигареты и обеды. А на работе всё по-прежнему: отчёты сдаются, департамент процветает, а Трутнев пьёт.

– Бедняжка, совсем затюкала его Пална.

– Твоя тётка, не моя, – ответил Борисов – как вдруг на столе задрожал телефон.

– Алё, здорова, Васютин. Да, говорили же, что пойдём. Да, помню – по пять тысяч с носа. Нет, не планировал. Через месяцок-другой. Куда торопиться? Пусть сначала с составом определятся, а уж потом деньги собирают. Давай, на связи.

– Чего хотел? – полюбопытствовала Светка.

– Денег на встречу выпускников хотел. Ни в группу не добавил, ни с количеством не определились, а уже «скидывайтесь на ресторан». А может, народ откажется – как я потом с этого прохвоста деньги заберу?

– Правильно сказал. Пусть сначала в группу добавит. А там решим – может, и не пойдём вовсе, – завершила Светка, смахнув со стола крошки полотенцем, и пошла мыть посуду.

В целом, Светка, когда-то, была девкой видной, хозяйственной. За ней много мужиков бегало, пока она не стала встречаться с Борисовым. Когда они учились в школе, в параллельных классах, она на него внимания не обращала. Увидела в нём что-то спустя годы. Так и до свадьбы дошли.

Она из благополучной семьи: отец начальник, мать учительница.

Но выйдя замуж, распустилась. Пополнела. Перестала за собой ухаживать.

Превратилась из прекрасной кареты – обратно в тыкву.

Возможно, то, что ей больше не стоило выискивать мужа и сыграло с ней эту шутку.

Зачем теперь поддерживать фигуру? Краситься? Делать «всё это»?

Она вышла замуж.

И этого, видимо, было достаточно.

Борисов посмотрел на её спину, на округлившиеся плечи, на растянутый халат и вдруг подумал:

«А если бы она не вышла за меня... осталась бы красивой?»

И тут же добавил про себя:

«Что-то я давно не исполнял свой супружеский долг. Надо бы сегодня о себе напомнить, а то заподозрит чего неладное».

Его впервые посетила эта мысль. Раньше отсутствие их близости месяцами его не напрягало. А сегодня он вдруг почувствовал себя виноватым.

Когда они улеглись спать, Борисов осторожно, как кот, подстроился сзади Светки и принялся исполнять обязанности в позе: оба на боку.

Светка не сопротивлялась. Но и истинного влечения не показывала.

Когда-то они зажигали так, что искры сверкали.

А сейчас – просто мирно совокуплялись.

Борисов вспомнил, как пахнет кожа Марины – ванилью и потом.

А Светка пахла жареными котлетами и стиральным порошком.

«Интересно, – подумал Борисов, – если я женюсь на Маринке... она так же будет пахнуть? Или сохранит свой особенный аромат?»

Пока он думал и вспоминал сегодняшнюю встречу с Мариной, Светка слегка застонала – это означало: её кульминационный момент случился.

Осталось поднапрячься, чтобы самому завершить начатое.

Но с этим была проблема – несколько часов назад он уже достиг желаемого с другой дамой.

Борисов впервые подумал о том, что такое симуляция оргазма по-мужски и попытался изобразить хоть не бурный, но всё же оргазм.

«Один хрен ничего не поймёт. Да и не забеременеет – таблетки пьёт. Хотя... зачем ей это надо?..»

Он ещё раз дёрнулся – для пущей верности, – поцеловал Светку в левое плечо и перевернулся на другой бок.

«Главное, чтобы она сейчас не заметила».

Но Светка уже не подавала никаких признаков – кроме лёгкого посапывания.

«Пронесло».

На утро Светка проснулась в прекрасном настроении.

Она щебетала и прыгала по кухне так, что у Борисова закружилась голова.

«А случайные связи на стороне укрепляют семейные узы», – подумал он – и принялся за завтрак.

– Сегодня идём к Егоровым, – невзначай бросила Светка. – Забыла вчера сказать.

– И будем слушать его невероятные истории, – Борисов явно недолюбливал своего приятеля – за то, что тот чрезмерно увлекался пивом и хвастовством.

– Куда деваться, Раиска позвала. Говорит, что-то особенное приготовит.

– Помню я её «особенное»: сварила рыбу на пару и завязала стрелой зелёного лука. Ни соли, ни вкуса – один зелёный лук.

– Перестань, она старалась. Давай, сегодня не задерживайся, на семь договорились.

– Не знаю. У Трутнева в пятницу всегда аврал к вечеру наступает, так что обещать не буду.

– Я ему позвоню, если что, отпустит. Иначе тётушку на него натравлю.

– Полно тебе. Он и так от неё страдает, так ещё из-за меня добавится. Сам разберусь.

Борисов отглотнул из бокала чаю и помчал одеваться.

5.

Вечер пятницы стремительно приближался. Обед с Мариной, как всегда, удался: она удостоила Борисова небеспочвенными обещаниями, но намекнула, что сегодня её муж приедет за ней и они поедут к его родителям. Да и сам Борисов был ангажирован на другое мероприятие, поэтому решили, что на следующей неделе обязательно продолжат изучать тела друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.